

Украденная скрипка

Мало кто знал, что последний «самодержец всероссийский» играл на скрипке. А между тем, это было одним из любимых его развлечений...

Ни война с Японией, ни позорный Цусимский разгром, ни революция 1905 года, ни Кровавое воскресенье — ничто не могло отвратить его от скрипки.

Царь музицировал.

И если державный музыкант был бездарен, то зато гениален был мастер, изготовивший скрипку, — Антонио Страдивариус. Редкостную скрипку царю подарил итальянский король. Укутанная в шелк и уложенная в специальный футляр, она хранилась в особой комнате, где круглосуточно поддерживалась нужная температура.

И вот в один прекрасный день бесценный инструмент исчез... Кража в самом дворце!

На место происшествия немедленно прибыли многочисленные агенты сыскальной полиции, прокурор окружного суда, следователь по особо важным делам Александров и начальник сыскальной полиции Филиппов. Как вор мог пробраться во дворец?

Этот вопрос задавали себе все, но никто не мог на него ответить.

Шли дни, а скрипка не находилась. Царь рвал и метал. Министру юстиции и градоначальнику грозили крупные неприятности. Сыщики сбились с ног. И тогда следователь Александров осмелился высказать предположение: а не стащил ли... не «изъял» ли скрипку кто-нибудь из придворных и не продал ли ее за границей? Подозрение было диким, невероятным, оскорбительным для царствующего дома, но... плодотворным.

Вскоре префект Парижской полиции сообщил Александрову и Филиппову, что скрипка царя обнаружена в одном из антикварных магазинов Парижа.

Как она туда попала?

Владелец магазина объяснил, что скрипку продала ему молодая женщина по фамилии Михайлова, которая в соответствии с существующими правилами написала расписку, что продает вещь, лично ей принадлежащую.

По указанному в расписке адресу Михайловой не оказалось... Итак, скрипка была найдена, а вор пока нет.

Александров к этому времени составил список всех придворных, которые имели доступ в комнату, где хранилась скрипка. Среди них, между прочим, оказалась и фрейлина царицы княгиня С. А. Гагарина, которая дежурила в покоях царицы как раз накануне исчезновения скрипки, а спустя два дня уехала в Париж.

Чтобы фрейлина царицы, княгиня... Нет, разумеется, этого не могло быть! Однако надо проверить...

С княгиней в Париже находились ее компаньонка, пожилая женщина, и молодая камеристка Федорова. По описаниям хозяина магазина Михайлова была очень похожа на Федорову...

Камеристку незаметно для нее показали антиквару.

— Она, — твердо сказал тот.

— Вы в этом уверены?

— Точно так же, как и в том, что скрипка еще неделю назад была моей собственностью.

Камеристка, допрошенная следователем, все отрицала, заявив, что никакой скрипки не продавала, а хозяина магазина видит впервые. Потребовалась экспертиза ее почерка, и в Париж срочно был вызван эксперт судебных документов Печинский.

После трех часов кропотливой работы Печинский дал категорическое заключение, что расписка в антикварном магазине была написана рукой Федоровой. Когда это заключение прочитали ей, она созналась, что продала скрипку по поручению княгини Гагариной.

Гагарина давать показания отказалась.

По «высочайшему повелению» уголовное дело в отношении фрейлины царицы было прекращено: сор из избы выносить не полагалось.

Но слухи о скандальной краже быстро распространились в обществе, особенно среди юристов. И когда об этом деле узнал один старый чиновник министерства юстиции, он, грустно покачав головой, сказал: «Ну, уж если потомки Рюриковичей занялись кражами, то...»

Старик не досказал, но мысль его и так была ясна: империя прогнила до основания.

Вл. Штрикер

А. С. Пушкин и первый закон об авторском праве в России

В Петербурге 22 апреля 1828 г. были утверждены новый цензурный устав, в котором впервые появились пять статей,

объединенных общим заголовком «О сочинителях и издателях книг», и положение о правах сочинителей. После учреждения

государственного совета (1810 год) все законопроекты, как правило, по указанию царя разрабатывались соответствующими ведомствами и представлялись на обсуждение государственного совета, а затем утверждались царем.

И вдруг этот порядок был нарушен.

Новый цензурный устав и положение о правах сочинителей прошли через государственный совет при совершенно необычных обстоятельствах.

Д. А. Коптев, бывший до февральской революции 1917 года статс-секретарем государственного совета и изучивший законы 1828 года по подлинным документам, писал: «Положение, неизвестно кем составленное, было лично вручено Николаем I председателю государственного совета графу Кочубею для внесения его на рассмотрение. 26 марта 1828 г. Кочубей передал проект на имя государственного секретаря в департамент законов»¹.

Кто же автор проекта? Что побудило царское правительство издать закон об авторском праве? Почему Николай I отступил от им же введенного порядка?

Попытаемся ответить на все эти весьма любопытные вопросы.

П. Е. Щеголев в поисках автора известного пасквиля, ставшего поводом для дуэли Пушкина с Дантесом, обнаружил неотправленное письмо близкого друга Пушкина В. Ф. Одоевского. В этом письме Одоевский прямо указывал, что он является автором проекта положения о правах сочинителей 1828 года².

Но почему Одоевский готовил положение о правах сочинителей? Ответ на этот вопрос дает история с контрафакцией поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник».

В сентябре 1822 года Н. И. Гнедич выпустил первое издание «Кавказского пленника», которое мгновенно разошлось.

Пушкин, находившийся в то время в южной ссылке, вел переговоры о втором издании. Он хотел, чтобы новое издание осуществил его друг П. А. Вяземский.

Но 17 апреля 1824 г. петербургский почтовый цензор Е. Ольдекоп получил от цензурного комитета разрешение на выпуск «Кавказского пленника» вместе со стихотворным немецким переводом поэмы, сделанным Вульффертом. Это издание поэмы без разрешения автора вызвало возмущение не только Пушкина, но и всех почитателей его таланта.

Возвратившись в столицу, поэт подал заявление начальнику третьего отделения царской канцелярии графу Бенкендорфу. «Не имея другого способа в обеспечение своего состояния, кроме выгод от посильных трудов моих... осмеливаюсь, наконец, прибегнуть к Вашему пр-ву, — писал он, —

дабы оградить себя от подобных покушений на свою собственность».

Бенкендорф ответил, что «даже там, где находятся положительные законы насчет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками». Это не соответствовало действительности. По иностранному авторскому праву издавать переводы вместе с подлинниками можно было только в отношении сочинений умерших писателей. И Пушкин, хорошо знавший авторское право, в своем письме от 10 сентября 1827 г. указал на это Бенкендорфу. «Если же допустить, — писал в заключение поэт, — что перевод дает право на перепечатание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищения... Полагаю, что в составлении постоянных правил для обеспечения литературной собственности вопрос о праве перепечатывать книгу при переводе, замечаниях или предисловии весьма важен».

И в то время, как велась эта переписка, действовали и друзья Пушкина, среди которых был и Одоевский. Пушкин оказал через него влияние на содержание первого законоположения об авторском праве в России.

Связь § 138 цензурного устава и §§ 8-9 положения о правах сочинителей с делом Пушкина и Ольдекопа установил еще А. И. Урусов, который сочетал в своем лице высокую квалификацию правоведа с обширными познаниями всего относящегося к А. С. Пушкину. Он первый доказал, что § 138 цензурного устава 1828 года был законодательным откликом на жалобу Пушкина. Любопытно, что об этом упоминал и сам Пушкин. В 1924 году в альманахе «Недра» было впервые опубликовано обнаруженное в Париже письмо Пушкина Баранту. «Литература, — писал он, — стала у нас значительной отраслью промысла около двадцати лет назад. До того она рассматривалась лишь как изящное аристократическое занятие. Никто не думал извлекать из своих произведений иных плодов, кроме общественного успеха. В 1824 году была принесена первая жалоба на контрафакцию. Было установлено, что законодательство не предусмотрело ее, и в России была признана литературная собственность».

Теперь, если учесть, что в 1828 году была в разгаре коварная и преступная игра Николая I с непокорным поэтом, то найдется правильный ответ и на вопрос, почему царь лично вручил Кочубею законопроект об авторском праве и отступил от установленного порядка.

Николай I хотел скрыть причастность Пушкина и его друзей к законопроекту и в то же время продемонстрировать жест известной «благосклонности» к великому поэту в расчете сделать его послушным и покорным.

А. Килинский
Кандидат юридических наук

¹ Д. Коптев. Закон об авторском праве. СПб, 1911, стр. 10.

² П. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. стр. 353.